

Норма в эпоху полицентризма русского языка¹

Norm in the era of Russian polycentrism. The article is devoted to the analysis of the functioning of the Russian language in modern conditions and the peculiarities of the formation of norms in the framework of the polycentric language world, which covers various variants of the Russian language.

Начну с того, что по моим ощущениям, острым, как у человека, который совсем недавно оказался в центральной зоне русскоязычного мира, а до этого сполна хлебнул «счастья» быть носителем русского языка как языка национального меньшинства на Украине, представление о реальном устройстве этого мира у определенной части российских русистов можно сравнить с представлениями об устройстве Универсума до Галилея.

Напомню: в системе взглядов Птолемея в центре мироздания была Земля, а все звезды и иные небесные тела вращались вокруг этого центра. Мировосприятие, в равной степени объяснимое с позиции присущего человеку антропоцентризма и абсолютно не соответствующее реальности.

Не знаю, насколько читателю эта аналогия покажется соответствующей теме статьи, но я убежден в том, что такая модель русского языкового мира (Русофония), когда наличие нормы признается только у русского литературного языка в его российском варианте, а любые иные варианты русского, неизбежно и закономерно возникающие и функционирующие в иных компонентах русского языкового мира объявляются априори испорченными, не кодифицированными, достойными наименований *суржик*, *трасянка* и прочих с отчетливой негативной коннотацией, является принципиально «птолемеевской».

Хочу сразу сказать, что, именуя такие взгляды «птолемеевскими», я не вкладываю в эту номинацию никакой отрицательной оценки. Такое видение не хорошо и не плохо: оно есть закономерный этап в развитии людских представлений об устройстве мире. Этап, который большинство наук преодолели давно. Такое преодоление ждет и русистику. Необходимость в этом, прежде всего внешнеполитическая, назрела давно. Я говорю «давно» (хотя лет прошло не так много), потому что скорость истории стала неизмеримо выше по сравнению с прошлым.

Представление о том, что существуют всего две разновидности нормы русского литературного языка – московская и ленинградская, мы унаследовали от прошлого века, в котором варьирование русского языка было в разы менее интенсивным прежде всего потому, что русский язык обеспечивал социальное взаимодействие в разы же в меньшем количестве государств.

Потому обсуждение проблемы нормы сегодня должно учитывать два обстоятельства. Во-первых, мы должны видеть некую мифологичность самого феномена нормы русского литературного языка, существование которой настойчиво декларируется, но степень ее реального описания достаточна невелика. Невелика и социальная ценность соблюдения норм в современном социуме. Во-вторых, следует понимать, что сегодня русский язык в силу известных исторических катаклизмов оказался вынужден совершенствоваться (!!!) в том смысле, о котором писал Николай Крушевский, указывая, что совершенствование языка заключается в стремлении ко все более полному соответствию «мира слов миру понятий» [1]. Это соответствие языковой картины мира реальности, существующей в том или ином государстве, является важнейшим условием для того, чтобы русский язык смог обеспечить социальное взаимодействие своих носителей в новых – отличных от российских – условиях. В этой ситуации постулат только о двух нормах – питерской и московской – становится еще одним очевидным мифом, препятствующим адекватному восприятию закономерностям организации русского языкового мира.

Подчеркну, что лексические и грамматические отличия могут быть минимальны и порой скрыты от непосредственного наблюдения. Различаются, в первую очередь, и очень значительно «картины мира», кодируемые вариантами русского языка в разных странах.

Следуя логике русистов-«птолемеевцев», мы должны заключить, что те носители русского литературного языка, которые в результате глобальных политических катаклизмов оказались за пределами России, вдруг все стали говорить на суржиках, трасянках и прочих «спенглишах». Так ли это?

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 17-04-00187-ОГН-А

В этой системе представлений русский языковой мир организован «по-птолемеевски» просто. Есть инвариант – русский литературный язык в его российском варианте. Любое его варьирование – даже обусловленное объективными причинами, о которых я писал выше, – признается ошибкой, порчей, отклонением от нормы. Старый стереотип: дихотомия «норма и варианты», в которой последний компонент всегда плох и «портит» норму, до сих пор является господствующим в нашем лингвистическом общественном сознании.

Все было бы неплохо, если бы не один минус: эта система представлений не имеет ничего общего с реальностью. Она «не работает». Она, очевидно, препятствует разработке и внедрению соответствующей нашей сложной эпохе внешней языковой политики. Необходимость модернизации этой модели, на мой взгляд, очевидна. Возможно ли это? Да, конечно! Я уже писал об этом в «Георусистике» [2].

Следствием таких изменений станет и изменение представлений о норме. Глобализация нормы. Каким образом?

Прежде всего следует учесть, что феномен, который мы именуем «русский язык» существует в нескольких формах (вариантах).

Для многих лингвистов этот термин связан с оппозицией «норма-вариант», в рамках которой вариант рассматривается как отклонение от «нормы», порча «нормы» и т.п. С этих позиций все внероссийские (здесь важно выбрать нейтральную номинацию, поскольку «иностранные» не «работают»: российский вариант русского является иностранным по отношению, например, к белорусскому варианту русского языка) реализации русского языка воспринимаются в качестве неправильных, ошибочных, достойных осуждения и исправления.

Традиция таким образом организовывать тот или иной языковой мир восходит к далекой античности [3]. Но пригодна ли данная схема для манифестации того феномена, что именуется русским языковым миром? Возможно, но это восприятие очень далеко от реальности. Не говоря уже о том, что такая «картина мира» достаточно оскорбительна для носителей русского языка в тех странах, в которых русскому языку приходится видоизменяться, чтобы соответствовать иной, отличной от российской, реальности. И если парламент в этой реальности называется Меджлис или Рада, например, а русский язык будет предоставлять пользователю только слово «Дума», то русский язык в этом случае не выполнит свою функцию. И речь не должна идти только об изменениях, видимых «невооруженным взглядом», изменения в семантике намного значительнее. Я хорошо помню, как, будучи жителем Украины, севером страны считал Чернигов. Сегодня для меня «на севере» означает совсем иные края.

И хотя при этом русский язык остается русским в каждом из своих воплощений, он видоизменяется в результате взаимодействия с иным языком или языками и под влиянием иной государственной реальности. И я полагаю необходимым последовательно разграничивать те языковые явления, которые обусловлены государственным устройством страны, и те, которые связаны с региональной вариативностью.

Во-первых, это так называемый «русский язык вообще». Это и есть инвариант по отношению ко всему множеству реализаций русского языка в конкретных цивилизационных условиях. Именно «русский язык вообще» противостоит иным – «нерусским» языкам-инвариантам – китайскому, немецкому, английскому и т.д. и т.п. Это некий набор универсалий, кодирующих «русскость» языка.

Во-вторых, это множество функциональных вариантов инвариантного русского, закономерно возникающих и существующих в конкретных государствах, регионах, социальных и территориальных условиях. Здесь мы сталкиваемся с достаточно сложной для понимания категорией функционального тождества, когда группы реалий, различаясь субстанционально (иначе говоря, лексически, семантически, морфологически), тождественны функционально. Так вот – диалекты, жаргоны, региолекты, а также национальные варианты русского языка (существование которых вызывает наибольшее число споров) – функционально тождественны. Смысл их бытия – быть реализациями инвариантного русского в тех или иных социальных условиях. Если вспомнить – и это здесь уместно – определение фонемы как ряда позиционно чередующихся звуков, данное М.В. Пановым [4], – то вторая форма бытия русского языка есть «ряд» позиционно чередующихся вариантов. При этом «позицией» здесь являются уже упомянутые государства, регионы, социальные и территориальные группы.

Функциональные тождества пронизывают всю жизнь человека. Но все еще являются загадкой для русистов. Рассказывая об этом студентам и слушателям, я привожу самые простые и наглядные примеры. Мелок, гусиное перо, шариковая ручка, принтер – по своим субстанциональным свойствам (цвет, материал, размеры ...) абсолютно различны. Но по своей функции они тождественны и предназначены для

графической фиксации устной речи в разных «позициях», в качестве которых выступает учебная доска и класс, пергамент, лист бумаги и многие другие. В этот ряд «позиционно чередующихся» орудий письма войдут и другие подручные средства, и инструменты (например, палка, которой я пишу что-нибудь на песке).

Возникновение того или иного функционального варианта обусловлено возникновением новой «позиции»! Это, на мой взгляд, закон, действующий объективно и всеобъемлюще. Второй закон – это непрерывный поиск человеком новых субстанций для уже существующих функций. Лучше всего, на мой взгляд, это стремление иллюстрируют, например, лекарства, прошедшие долгий путь от толченой ивовой коры до таблетки аспирина. Применительно к русскому языку этот постулат означает, что если в пределах русского языкового мира возникает новая «позиция» (возьмем самый дискуссионный случай – государство), то это закономерно приводит к возникновению еще одной реализации «русского языка вообще».

Иначе говоря, если на политической карте планеты возникает новое государство, и если его граждане используют русский язык в качестве средства социального взаимодействия, то это в обязательном порядке приводит к возникновению новой реализации инвариантного русского. Нового «национального варианта русского языка». Термин пишу в кавычках как рабочий и вызывающий возражения у людей, до сих пор не знающих, что содержание языковой единицы и ее «внутренняя форма» есть не совпадающие вещи. Термин я в свое время заимствовал из словаря под редакцией В.Ю. Михальченко: «Национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [5].

Внимательный читатель и здесь заметит влияние «птолемеевской» картины лингвистического мира: в качестве примера приводятся национальные варианты любых языков, только не русского.

Думаю, что феномен «русского языка вообще» как абстрактного набора универсалий, формирующих «русскость» языка и, во-первых, противостоящего в этом качестве всем языкам «нерусским»; и во-вторых, являющегося инвариантом по отношению к реально существующим и существовавшим в прошлом диалектам социальным и территориальным, вариантам региональным и национальным, вызовет меньше споров и недоумений, чем устройство русского языкового мира, включающего все только что названные компоненты.

Еще раз повторю, все эти компоненты функционально тождественны. Но не в смысле набора выполняемых социальных функций, а в том смысле, что их роль в мире заключается в представлении языка инварианта в конкретных исторических условиях.

Австралийский английский отличается от британского не потому, что австралийцы его испортили. Наверное, есть в Британии те, кто именуют австралийский английский всякими уничижительными кличками. Но мне не удалось найти в сети британские аналоги наших слов а la «суржик» по отношению к австралийскому варианту английского. Это не значит, что их нет, конечно, и тем не менее.

Я могу продолжить этот ряд на примере немецкого, испанского, арабского языков, и ни один из них не вызовет сопротивления в российской аудитории. На «ура» пройдет и тезис о том, что реализации инвариантного английского, немецкого, испанского и других полинациональных языков равноправны, функционально тождественны и что среди них нет «испорченных» или «исковерканных» вариантов.

Возражения начнутся тогда, когда я заговорю о реализациях русского языка в разных странах. И тут окажется, что все языковые миры планеты живут по одним законам, а русский языковой мир – по другим.

И тут окажется, что в господствующем восприятии право на существование имеет только русский литературный язык, понимаемый, к сожалению, не как российский вариант инвариантного русского, существующий наряду с белорусским, казахстанским, украинским, эстонским и другим реализациями, а как некий мифический канонический образец, всякое варьирование которого – даже вызванное объективными причинами (другая страна, активное взаимодействие с другими языками...) – преступно, наказуемо, избличаемо и клеймено.

Не очень охотно признается и факт взаимовлияния реализаций русского языка. Но как объяснить проникновение в российский русский формы «в Украине», которая, по моим ощущениям, стала доминировать в дипломатическом дискурсе.

При этом никто не станет отрицать, что именно российский русский является основным вариантом инвариантного русского. Но в равной степени не стоит отрицать и то, что российский русский не

совершенен, если вспомнить Н. Крушевского, для осуществления социального взаимодействия за пределами России.

Еще сложнее в системе «птолемеевских» взглядов признать, что, скажем, белорусский национальный вариант среди своих реализаций – территориальных и социальных диалектов – обладает и таким социальным диалектом как литературный язык, нормы которого по определению будут несколько отличаться от норм российского социального диалекта, который мы по традиции именуем «русский литературный язык», не уточняя его государственную принадлежность.

Нам бы начинать изучать варьирование норм русского литературного языка в зависимости от страны его функционирования. Нам бы осознать, что фрикативный «г» на Украине уже не ошибка в речи носителя украинского русского (но ошибка в речи носителя российского русского), а вариант нормы. Нам бы увидеть и зафиксировать, что переднезубные фрикативные звуки на месте аффрикат являются нормальными для носителей, скажем, вьетнамского варианта русского языка. Думаю, что множество подобных примеров мы можем почерпнуть у специалистов по РКИ.

Нам бы признать, что нормы русского языка сегодня также глобальны и не сводимы к рамкам одной страны, пусть даже такой великой и мощной, как современная Россия. Нам бы понять, что архаичные представления об устройстве русского языкового мира затрудняют формирование адекватной внешней языковой политики, а «птолемеевство» наших взглядов отпугивает от нас наших собеседников.

В этом я вижу основную задачу георусистики и перспективу развития нашей науки в будущем.

Литература

1. Крушевский Н.В. Очерки по языковедению. Варшава, 1893. С. 68-69.
2. Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: «ЛЕКСРУС», 2016. 392 с.
3. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений; под ред. С. Ф. Гончаренко. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 96-97.
4. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 255 с.
5. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В.Ю. Михальченко). М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 35.